

Я — противник автопредисловий: мое дело — петь, дело критики и публики судить мое пение. Но мне хочется раз навсегда сказать, что я, очень строго по-своему, отношусь к своим стихам и печатаю только те поэмы, которые мною не уничтожены, т. е. жизненны. Работаю над стихом много, руководствуясь только интуицией; исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся все время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в свое время они меня вполне удовлетворяли, если я тогда же их не сжег. Заменять же какое-либо неудачное, того периода, выражение «изыском сего дня» — неправильно: этим умерщвляется то, сокровенное, в чем зачастую нерв всей

поэты. Мертворожденное сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно, — допускаю, даже уродливо, — я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно — мое!

Игорь-Северянин

Из книги
«ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК»
1913 г.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь на землю пролила.

Ф. Тютчев

ОЧАМ ТВОЕЙ ДУШИ

Очам твоей души — молитвы и печали.
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей,
И все, что здесь в конце, и все, что здесь
в начале, —

Очам души твоей...

Очам души твоей — сиренью упоенье
И литургия¹ — гимн жасминовым ночам;
Все-все, что дорого, что будит вдохновенье, —
Души твоей очам!

¹ Литургия — христианское церковное богослужение, обедня.

Твоей души очам — видений страшных
клиры...¹
Казни меня! пытай! замучай! задуши! —
Но ты должна принять!.. И плач, и хохот
лиры —
Очам твоей души!..

1909

¹ Клир — собрание священников, певчих и хора.

ЕЕ МОНОЛОГ

Не может быть! вы лжете мне, мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда в приливе муки,
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгут бесценные дары:
Жжет молния надменные вершины,
Поэт — из перлов бурные костры,
И фабрикант — дубравы для машины;

Бесчувственные люди жгут сердца,
Забывшие для них про все на свете;
Разбойник жжет святилище дворца,
Гордящегося пиршеством столетий;

И гении сжигают мощь свою
На алкоголе — символе бессилья...

Но письма сжечь, — где я тебе пою
Свою любовь! Где распускаю крылья!

Их сжечь нельзя — как вечной красоты!
Их сжечь нельзя — как солнечного неба!
В них отзвуки Эдема и Эреба...
Не может быть! Вы лжете мне, мечты!

1909

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Дорогому К. М. Фофанову¹

Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!

¹ Константин Михайлович Фофанов (1862–1911) — русский поэт.

Смотреть в лицо румяным бабам!
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цветы, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

1911

В БЕРЕЗОВОМ КОТТЭДЖЕ

На северной форелевой реке
Живете вы в березовом коттэдже¹.
Как Богомать великого Корреджи²,
Вы благостны. В сребристом парике
Стряхает пыль с рельефов гобелена
Дворецкий ваш. Вы грезите, Мадлена,
Со страусовым веером в руке.
Ваш хрупкий сын одиннадцати лет
Пьет молоко на мраморной террасе;
Он в землянике нос себе раскрыл;
Как пошло вам! Вы кутаетесь в плэд
И, с отвращеньем, хмуря чернобровье,

¹ В книге частично сохранена авторская орфография.

² Корреджо Антонио (ок. 1489–1534) — итальянский живописец эпохи Возрождения.

Раздражена, теряя хладнокровье,
Вдруг видите брильянтовый браслет,
Как бракоцепь, повиснувший на кисти
Своей руки: вам скоро... много лет,
Вы замужем, вы мать... Вся радость —
в прошлом,
И будущее кажется вам пошлым...
Чего же ждать? Но морфий —
или выстрел?..

Спасение — в безумьи! Загорись,
Люби меня, дающего бывшее.
Жена и мать! Коли себя иглою,
Проснись любить! Смелее в свой каприз!
Безгрешен грех — пожатие руки
Тому, кто даст и молодость, и негу...
Мои следы к тебе одной по снегу
На берега форелевой реки!

1911

ЭТО ВСЕ ДЛЯ РЕБЕНКА

О, моя дорогая! ведь теперь еще осень,
ведь теперь еще осень...
А увидеться с вами я мечтаю весною,
бирюзовой весною...
Что ответить мне сердцу, безутешному сердцу,
если сердце вдруг спросит,
Если сердце простонет: «Грезишь мраком
зеленым?
грезишь глушью лесною?»

До весны мы в разлуке. Повидаться не можем.
Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре.
Разве только в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно.
Но зато — осиянным